

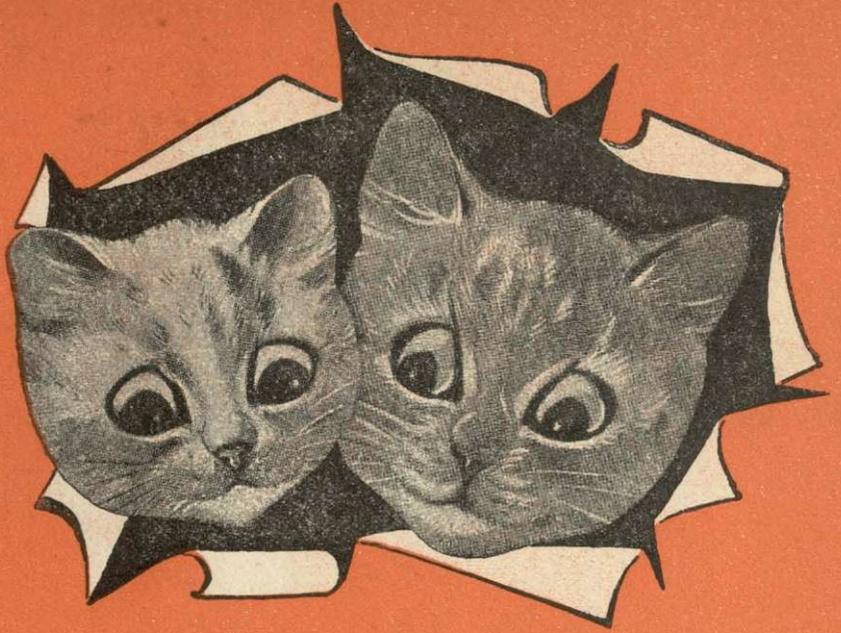
VI 93
10

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ДЕКАБРЬ.

№ 3.

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СПЯЧКА У ЖИВОТНЫХЪ.
ВЕЧЕРЪ.
ЧУЖОЕ ИМЯ (романъ).
ПЕРЕДЪ СНОМЪ.
УТЁНОКЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ, ЗАДАЧИ,
ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ И ПР.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

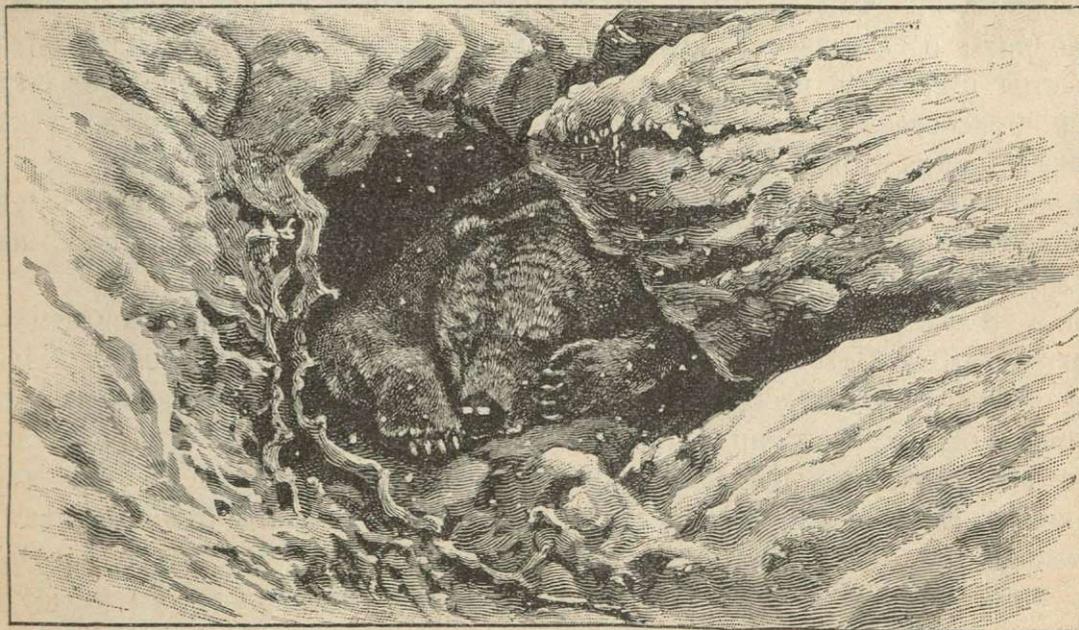
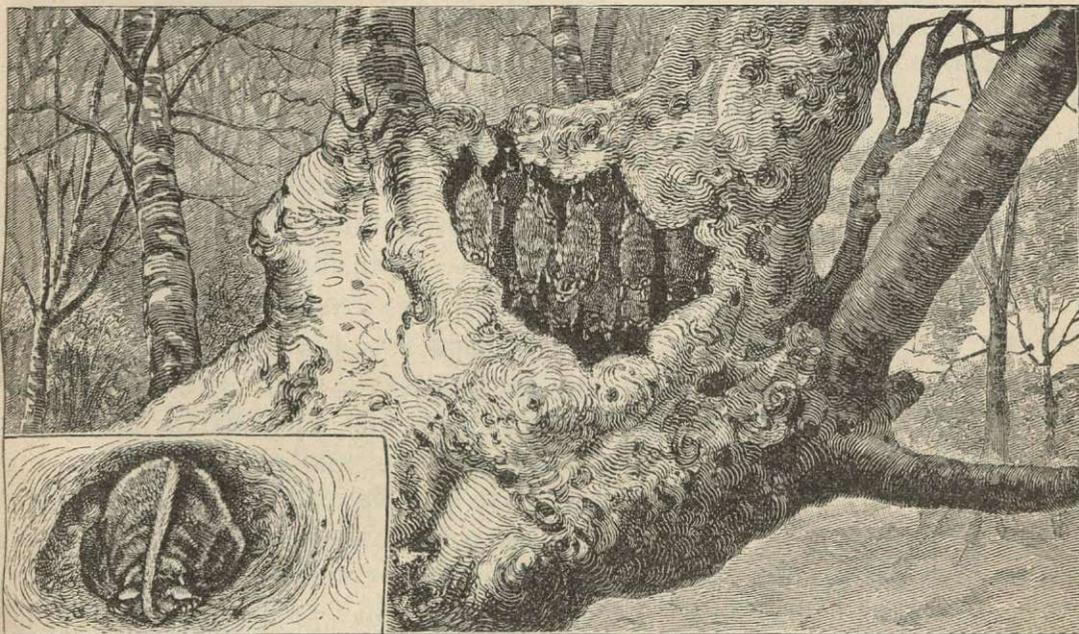
«Въ Смутное время» — историческій
романъ (листь 1-й).

Выкройка пиджака и жилета для

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Летучія мыши, соня и медвѣдь въ зимней спячкѣ.

СПЯЧКА У ЖИВОТНЫХЪ.

Если вы хоть немного подумаете о томъ, какую громадную роль играетъ въ жизни птицъ, животныхъ и людей пища, то вы будете очень удивлены. Взгляните на засѣянные хлѣбомъ поля, на всѣ эти амбары съ хлѣбомъ и магазины, на мясныя лавки, подумайте только о томъ, что миллионы людей работаютъ каждый день съ ранняго утра и до поздней ночи, иногда всю свою жизнь проводя подъ землей и не разгибая спины, и вы поймете, что все это для того, чтобы хоть сколько-нибудь человѣкъ могъ утолить свой голодъ. А какъ отъ человѣка, такъ и до скота: ни одно живое существо не можетъ жить на свѣтѣ безъ того, чтобы не ѣсть. Оно должно ѣсть, чтобы жить. Это-то «должно» и заставляетъ живыя существа пускаться изъ-за пищи въ такія рискованныя предпріятія, которыя иногда стѣютъ имъ ихъ жизни и часто составляютъ собою очень интересныя исторіи. Но существуютъ и другія любопытныя исторіи, а именно о томъ, какъ животныя избѣгаютъ голода. Здѣсь будетъ сказано не о томъ, какъ они добываютъ себѣ пищу, а о томъ, какъ они избѣгаютъ употребленія ея и все-таки остаются живыми. Мы только что сказали, что животное должно питаться, чтобы быть живымъ, а тутъ выходитъ такъ, что цѣлый рядъ живыхъ су-

ществъ цѣлыя недѣли и даже цѣлые мѣсяцы не употребляютъ ни кусочка пищи и все-таки остаются живыми. Это прямо удивительно! Такія животныя называются предающимися спячкѣ; едва только наступаетъ зима, какъ они погружаются въ долгій, непробудный сонъ вплоть до самой весны. Они дѣлаютъ это потому, что та пища, которую они употребляютъ, вымерзаетъ, а переселиться въ какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ она остается на зиму, они не умѣютъ. Вотъ почему они прямо предпочитаютъ заснуть на нѣсколько мѣсяцевъ и проспать всю зиму, чѣмъ подвергаться ужасамъ голодовки. Почему-же они не околѣваютъ? Да очень просто потому, что, передъ наступленіемъ зимы, всю долгую осень они стараются ѣсть какъ можно больше, все ѣдятъ и ѣдятъ и дѣлаютъ это до тѣхъ поръ, пока не разжирѣютъ. Вотъ этотъ-то самый жиръ и питаетъ ихъ тѣло въ теченіи всей зимы, пока они спятъ.

Однимъ изъ самыхъ сонливыхъ животныхъ считается группа маленькихъ граціозныхъ грызуновъ, именно соня. По наружности и свойствамъ онѣ близко подходятъ къ бѣлкамъ, но рѣзко отличаются отъ нихъ тѣмъ, что едва только наступятъ холода, какъ онѣ впадаютъ въ оцѣпенѣніе и не просыпаются до весны. Выспав-

шисъ-же, онѣ дѣлаются чрезвычайно подвижными, отлично бѣгаютъ, лазаютъ и только не могутъ дѣлать такихъ прыжковъ, какъ бѣлки. Передъ спячкой соня ѣстъ до тѣхъ поръ, пока въ силахъ ѣсть; уже будучи совершенно сытой, она все еще продолжаетъ ѣсть, такъ что къ концу осени буквально чуть не лопаются отъ жира. Обыкновенно въ сентябрѣ, когда деревья только еще начинаютъ расцвѣчиваться своими осенними красками, соня помѣщается въ какомъ-нибудь дуплѣ или-же въ круглой, какъ шаръ, норкѣ, вырытой гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ, куда не проникаетъ дождь, и устланной сѣномъ, сухими листьями и мхомъ. Насытившись до отвала, она вползаетъ въ эту норку, сворачивается клубочкомъ и погружается въ такой глубокой сонъ, отъ котораго пробуждается только въ срединѣ апрѣля. Такимъ образомъ она проводитъ безъ пищи цѣлые семь мѣсяцевъ въ году! Но передъ тѣмъ, какъ заснуть, соня дѣлаетъ себѣ запасы: она припасаетъ себѣ въ норку орѣхи, каштаны и разные зернышки, съ тѣмъ, чтобы съѣсть ихъ, когда она проснется въ апрѣлѣ. Точно такъ-же уединяются на зиму и ежи, бѣлки и летучія мыши. Едва только наступаютъ холода, какъ они отыскиваютъ гдѣ-нибудь дупла или норки, куда не проникаетъ дневной свѣтъ, и погружаются въ сонъ. Зимнія стужи, бури и жестокіе морозы такъ и проходятъ для нихъ незамѣтно. Просыпаются они тогда,

когда просыпается и цвѣтокъ, когда весенніе теплые лучи ласковаго солнышка достаточно согрѣваютъ землю. На нашемъ рисункѣ представлены летучія мыши и соня въ томъ видѣ, какъ онѣ спятъ зимой; для того, чтобы лучше было видно, норки ихъ представлены настолько открытыми, что въ нихъ можетъ входить дневной свѣтъ. На самомъ-же дѣлѣ норки эти закрыты почти сплошь и только какая-нибудь маленькая щелочка, едва замѣтная для глазъ, служитъ въ нихъ входомъ и выходомъ.

Большимъ любителемъ поспать является также и нашъ русскій медвѣдь. Въ зимніе мѣсяцы онъ устраивается возможно поудобнѣ въ своей берлогѣ и погружается въ сонъ. Часто его берлогу на нѣсколько аршинъ засыпаетъ сверху снѣгомъ, такъ что онъ лежитъ подъ нимъ вплоть до самой весны и только одно маленькое отверстіе, протаявшее въ снѣгу отъ его дыханія, и служитъ ему для притока воздуха, необходимаго ему, чтобы жить.

Лягушки, жабы и другія пресмыкающіяся точно такъ-же спасаются отъ зимней стужи, засыпая на нѣсколько мѣсяцевъ до весны. Едва только подуютъ осенніе холода, какъ онѣ погружаются на дно какой-нибудь лужи или тихаго ручья и, зарывшись тамъ въ тину, впадаютъ тамъ въ родъ какого-то оцѣпенѣнія, въ каковомъ и пребываютъ до первой весенней грозы. Подобно имъ проводятъ зимніе мѣсяцы и нѣкто-

рыя рыбы. Такъ, напримѣръ, карась и линь при первомъ-же наступленіи заморозковъ закапываются въ тину и начинаютъ спать; вотъ почему они не погибаютъ въ прудахъ даже въ самыя жестокія зимы, когда вода въ прудахъ промерзаетъ до дна.

Многія бабочки и улитки также засыпаютъ на зиму. Такъ, наша обыкновенная садовая улитка проводитъ зиму, закопавшись въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстечкѣ. А чтобы лучше оградить себя отъ холодовъ, она наглухо запечатываетъ входъ въ свою раковину клейкой массой, которая, высыхая, дѣлается непроницаемой для воздуха. Что касается бабочекъ, то хотя большинство изъ нихъ и не переживаетъ зимы, однако-же есть среди нихъ и такіе виды, которые всю зиму проводятъ въ долгой спячкѣ и просыпаются лишь тогда, когда весеннее солнце призоветъ ихъ къ радостной весенней жизни.

Но кто-бы могъ повѣрить, что существуютъ животныя, которыя засыпаютъ не на зиму, а на лѣто? А между тѣмъ въ жаркихъ странахъ есть живыя существа, которыя спасаются отъ палящаго солнца именно тѣмъ, что засыпаютъ. Въ этихъ странахъ бываетъ время, когда на нѣсколько тысячъ верстъ вокругъ солнце положительно выжигаетъ всякую растительность и высушиваетъ всякую воду. Въ такіе дни жара бываетъ положительно невыносимой. Птицы и насѣкомыя прямо сваливаются мертвыми съ вѣтвей, а обезья-

ны стараются тщетно найти гдѣ-нибудь защиту отъ солнца и мало-помалу умираютъ всѣ. И въ то время, когда одни животныя стараются заранѣе убѣжать изъ такихъ странъ въ другія мѣста, гдѣ не такъ жарко, другія животныя спасаются отъ солнечныхъ лучей именно тѣмъ, что засыпаютъ. Такова африканская рыба, извѣстная въ наукѣ подъ названіемъ протоптерусъ или головачъ. Эта рыба имѣетъ длинное, какъ у змѣи, тѣло и длинные подвижные плавники, болѣе похожіе на весла, чѣмъ на плавники. Какъ только начнетъ понижаться въ ручьѣ вода, эта рыба уже знаетъ, что скоро настанетъ такое время, когда отъ ручья не останется ни одной капли; а это для нея означало-бы смерть, если-бы она не умѣла спастись. Тогда она начинаетъ рыть себѣ въ тинѣ норку и прячется въ нее, принимая при этомъ довольно странную позу: она заматывается клубочкомъ и плотно закрываетъ себѣ хвостомъ ротъ. Въ такомъ положеніи, глубоко зарывшись въ тину, эта рыба погружается въ спячку и пребываетъ въ ней до тѣхъ поръ, пока не настанетъ наконецъ дождливый сезонъ. Начинаются дожди такіе громадныя, о какихъ мы даже и не имѣемъ понятія; они ревущимъ потокомъ катятся по руслу высохшаго ручья, размываютъ тину, вымываютъ изъ нея спящую рыбу и возвращаютъ ее снова къ жизни. При этомъ бываютъ случаи, когда тина засыхаетъ настолько сильно, что

даже такіе тропическіе дожди бывають не въ состояніи размытъ ее. Тогда рыба эта такъ и остается погребенной до слѣдующаго періода дождей, т. е. остается лежать въ землѣ еще полгода. Ученому Пикрафту случилось выкопать изъ такой тины рыбу, пролежавшую въ ней болѣе полугода; рыба эта казалась совсѣмъ мертвой; но едва только онъ опустил ее въ теплую воду, какъ она моментально ожила и стала плавать такъ, точно ничего и не случилось.

Точно такъ-же спасаются отъ жары и крокодилы. Они закапываются въ тину и погружаются въ ней въ дремоту во все время, пока не бываетъ дождей. Если-же они знаютъ, что гдѣ-нибудь по близости находится какое-нибудь другое озеро, которое не пересыхаетъ, то вмѣсто того, чтобы предаваться спячкѣ, они прямо переселяются туда. При этомъ они дѣйствуютъ такъ настойчиво, что не останавливаются ни передъ чѣмъ. Такъ, одинъ индійскій естествоиспытатель приводитъ случай, когда крокодилы, желая переселиться на другое озеро, стали ползти по улицамъ города, бывшаго на пути къ этому озеру. При этомъ одни изъ нихъ падали въ колодцы, другіе отъ страха

теряли свои яйца прямо на мостовую, а третьи заползали въ городскіе скверы, гдѣ и были убиты.

Во время бездождія въ жаркихъ странахъ, когда выгораетъ въ поляхъ всякая растительность, погружаются въ спячку также и черепахи. У насъ-же на сѣверѣ онѣ засыпаютъ не лѣтомъ, а на зиму, передъ наступленіемъ холодовъ. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онѣ засыпаютъ именно съ тою цѣлью, чтобы избѣжать голода, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ онѣ не могли-бы найти себѣ пропитанія.

Но что удивительнѣе всего, такъ это то, что въ любой группѣ позвоночныхъ животныхъ, т. е. такихъ, у которыхъ есть позвоночный хребетъ, всегда найдутся тѣ или другіе виды, которые засыпаютъ на зиму или на лѣто. Среди-же птицъ нѣтъ ни одной, которая предавалась-бы спячкѣ; вмѣсто того, чтобы засыпать, птицы предпочитаютъ лучше улетать въ теплыя страны и едва только наступаетъ весна, какъ онѣ снова возвращаются къ намъ, выводятъ у насъ своихъ птенцовъ и радуютъ насъ своимъ веселымъ чириканьемъ или прекраснымъ, хватающимъ за душу пѣньемъ.

С. Вершининъ.

Изреченіе. Толстое дерево началось съ тонкаго прута. Громадная башня началась съ малаго кирпича. Путешествіе въ пять тысячъ верстъ начинается съ одного перваго шага. Будьте-же внимательны до конца такъ-же, какъ были и въ началѣ, и вы совершите то, что предприняли. (Лао-Тсе).

В Е Ч Е Р Ъ.

Все тихо. Вечеръ догораетъ,
Закатъ деревья золотитъ,
Послѣдній лучъ огнемъ играетъ,
Пернатый міръ умолкъ и спитъ.

Но вотъ въ кустахъ ужъ слышно
пѣнье
И тихій свистъ пѣвца ночей:
Почуя ночи приближенье,
Запѣлъ ужъ пѣсню соловей.

Ужъ солнца нѣтъ. Луны кусочекъ
Неясно всталъ на небосклонъ
И звѣздъ, какъ будто свѣтлыхъ
точекъ,
На небѣ вспыхнулъ миллионъ.

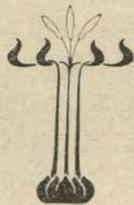
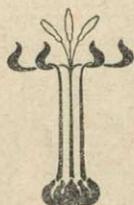
Изъ норки вышелъ старый ёжикъ,
Совѣнокъ пискнулъ изъ дупла
И отъ деревьевъ, вдоль дорожекъ,
Узоромъ темнымъ тѣнь легла.

Э. Соколова.

Ч У Ж О Е И М Я.

Романъ ¹⁾.

(Продолженіе).

V.

Когда черезъ пять минутъ Тернеръ возвратился къ себѣ въ столовую съ мокрой головой и вытерся затѣмъ полотенцемъ, то его новый компаньонъ съ дѣвочкой скромно сидѣли въ уголку и разсматривали иллюстрированный журналъ.

— Простите, я заставилъ васъ ожидать... обратился къ нему Тернеръ, — но мнѣ сдѣлалось дурно... Я—Генри Тернеръ, владѣлецъ этого дома и этой торговли.

Компаньонъ всталъ и ласково протянулъ ему руку.

— А я—Джоржъ Ваграмъ, вашъ новый компаньонъ, сказалъ онъ. Прощу любить и жаловать. Съ этого дня мы будемъ жить вмѣстѣ и вмѣстѣ будемъ заниматься нашимъ общимъ дѣломъ. Поэтому давайте познакомимся какъ можно покороче и поскорѣе и будемъ искренни, какъ братья... Позвольте вамъ представить: это моя племянница Маргарит-

¹⁾ Собственность «Золотого Дѣтства».

та—очень милая дѣвочка, круглая сирота. Она тоже будетъ жить вмѣстѣ съ нами.

Маргарита сдѣлала реверансъ и скромно опустила глаза.

— Очень пріятно... сказалъ Тернеръ и сдѣлавъ къ ней два шага, ласково поцѣловаль ее въ лобъ.— Очень пріятно, что нашъ домъ будетъ оглашаться вашимъ дѣтскимъ голоскомъ и мы будемъ слышать иногда ваши веселые шаги по нашей лѣстницѣ. Это оживить наше угрюмое холостое жилище. Милая Маргарита, зовите меня отнынѣ дядей и я постараюсь быть для васъ нѣсколько болѣе, чѣмъ дядя.

Маргарита еще разъ сдѣлала реверансъ и, отойдя къ сторонкѣ, снова стала разсматривать журналъ.

Компаньоны усѣлись за столъ и стали разговаривать о дѣлѣ. Во все время ихъ разговора Генри Тернеръ то и дѣло хватался за голову и поглядываль на окошко, изъ котораго былъ видѣнъ кранъ на дворѣ. Это не осталось безъ вниманія новаго компаньона и, улучивъ моментъ, онъ спросилъ:

— Въ чемъ дѣло, г-нъ Тернеръ? Чѣмъ вы такъ обезпокоены?

Генри Тернеръ приложилъ руку ко лбу и посмотрѣль на Джоржа Ваграма скорбными, умоляющими глазами.

— Да въ томъ дѣло, отвѣтилъ онъ,—что теперь я уже навсегда пересталъ быть самимъ собою. Потому что въ сущности я—не я

Новый компаньонъ, красивый, смуглый молодой человекъ, почти однихъ лѣтъ съ Тернеромъ, съ изумленіемъ посмотрѣль на него.

— Не вы? спросилъ онъ.— А кто-же?

— По крайней мѣрѣ не то, чѣмъ я до сихъ поръ себя считаль, отвѣтилъ Тернеръ.

— Да чѣмъ-же, скажите на милость, вы считали себя до сихъ поръ и чѣмъ вы теперь перестали быть?

— Самимъ собою. Бѣдная моя матушка, т. е. не моя матушка, а его, кого-то неизвѣстнаго, ошиблась и передала мнѣ всю эту виноторговлю, тогда какъ я здѣсь рѣшительно не при чемъ. Я не имѣль права быть ея наслѣдникомъ.

— Полноте! сказалъ компаньонъ.— Хотя я еще ровно ничего не понимаю, но догадываюсь, что вы разстроены чѣмъ-то не особенно важнымъ. Не будете-ли вы добры объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло, и не могли ли я быть вамъ въ чемъ-нибудь полезнымъ?

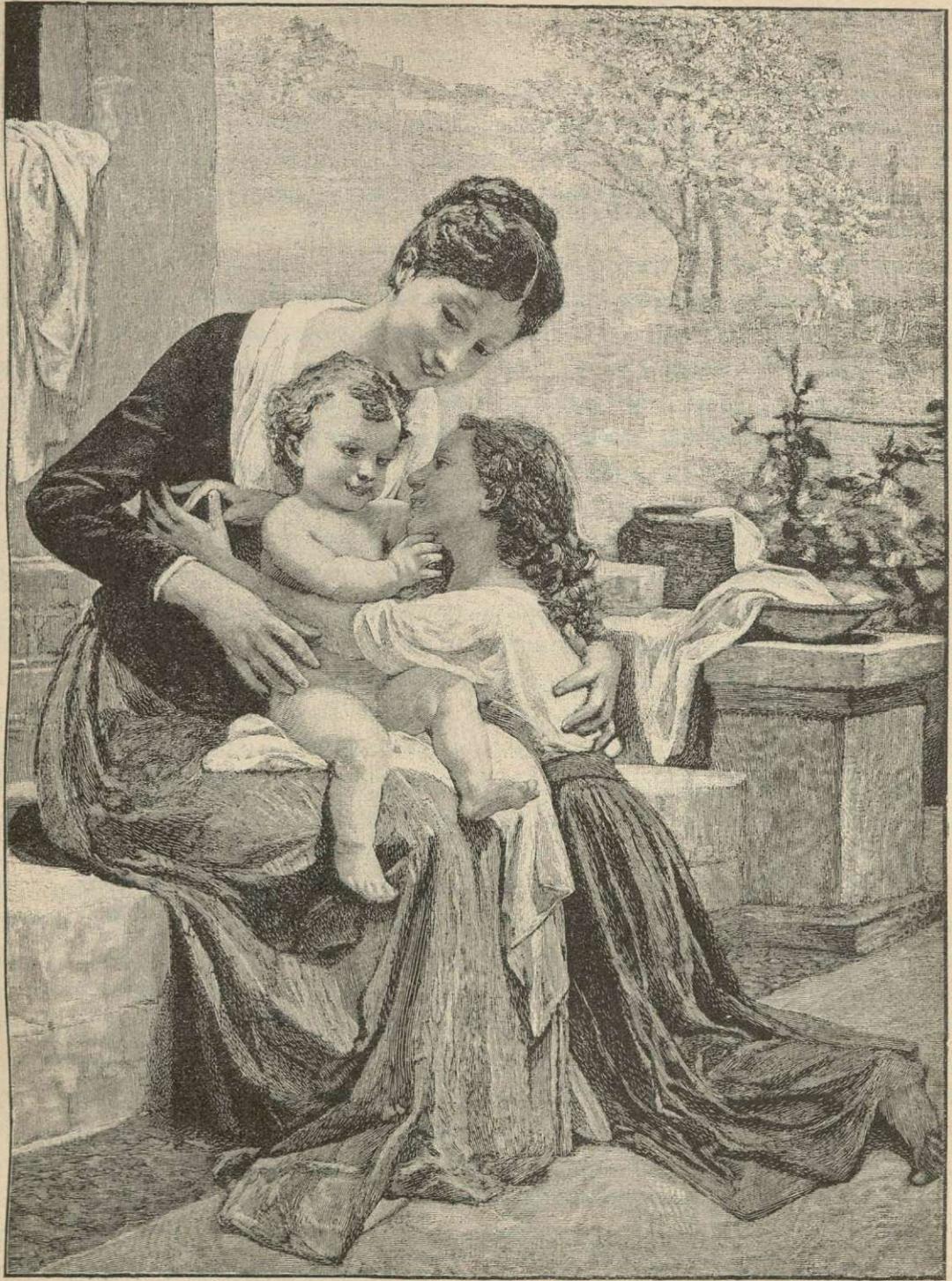
Генри Тернера тронуль тонъ Ваграма, онъ крѣпко пожалъ ему руку и затѣмъ сообщилъ ему все то, что ему рассказала экономка.

Затѣмъ онъ заплакаль. Ваграмъ всталъ съ мѣста, подошелъ къ нему и положилъ ему руку на плечо. Маргарита подняла голову, посмотрѣла изъ своего уголка встревоженными глазами и тоже подошла къ Тернеру.

— Не плачьте, дядя... сказала она.—Успокойтесь!

Первый снѣгъ.

Ласки.

Тернеръ взялъ ея руку и поцѣловалъ ее.

— Не буду, не буду, милая!.. сказалъ онъ и сталъ вытирать глаза.

Маргарита обняла его за шею и стала гладить его по головѣ. Онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣнку. Ваграмъ взадъ и впередъ прошелся по комнатѣ.

— Генри, обратился онъ къ Тернеру.—Я вижу, какой вы прекрасный, честный человѣкъ и очень горжусь тѣмъ, что сталъ вашимъ компаньономъ. Но, прошу васъ, выслушайте меня. Вы видите меня только въ первый разъ въ жизни, но это ничего не значитъ. Послѣ вы узнаете меня и быть можетъ оцѣните меня такъ-же, какъ и я васъ сейчасъ. Послушайтесь-же меня: не дѣлайте ни одного спѣшнаго, необдуманнаго шага въ такомъ серьезномъ дѣлѣ. Рѣшительно никому на свѣтѣ не выдавайте эту вашу тайну, иначе тотчасъ-же явится какой-нибудь мошенникъ или шарлатанъ, который выдастъ себя за сына этой особы и потребуетъ отъ васъ, чтобы вы отдали ему все, что получили отъ вашей мнимой матери. А вы знаете, что это повлечетъ за собою? Обманы, подлоги, судебные процессы и въ концѣ концовъ все пойдетъ прахомъ. Разоритесь и вы, и я. А вѣдь я недаромъ вашъ компаньонъ: я вложилъ въ ваше дѣло всѣ свои деньги и если онѣ пропадутъ, то я и Маргарита останемся нищими.

Онъ второй разъ взадъ и впередъ прошелся по столовой.

— Такъ общайте-же мнѣ, Тернеръ, что вы будете молчать! сказалъ онъ.

Генри Тернеръ глубоко вздохнулъ.

— Общаю, сказалъ онъ.

— Ну, вотъ и отлично! весело воскликнулъ Ваграмъ. А теперь мы можемъ заняться и дѣломъ.

Генри Тернеръ хотѣлъ было уже отпереть шкафъ, чтобы достать изъ него торговья книги и показать ихъ своему новому компаньону, какъ въ комнату снова вошла экономка, Сарра Гольдстрау, и спросила его, гдѣ находятся ключи отъ буфета, такъ какъ въ немъ лежитъ столовое бѣлье, которое ей нужно принять и сосчитать.

Генри Тернеръ передалъ ей ключи и, указавши ей на Маргариту, обратился къ ней съ просьбой:

— Дорогая г-жа Гольдстрау, сказалъ онъ,—съ нынѣшняго дня съ нами вмѣстѣ будетъ жить вотъ эта прелестная дѣвочка, которую я хочу считать своей племянницей. Будьте добры позаботиться о ней. Устройте для нея дѣтскую, купите ей игрушки, книгъ съ картинками и пусть ея радостный голосокъ раздается по нашему унылому дому.

Сарра Гольдстрау подошла къ дѣвочкѣ, поцѣловала ее въ обѣ щеки и, взявши ее за руки, увела ее съ собою.

— Это племянница г-на Ваграма, крикнулъ ей вслѣдъ Генри Тернеръ.—

Позаботьтесь о ней, какъ добрая мать!

Джоржъ Ваграмъ оглянулся по сторонамъ и убѣдившись, что дѣвочка уже ушла, склонился надъ Генри Тернеромъ и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Я долженъ сказать вамъ всю правду, Генри... Но прошу васъ скройте ее отъ Маргариты. Она не должна знать ея... Она и я не находимся ровно ни въ какомъ родствѣ. У нея есть своя исторія, которую я скрываю отъ нея, чтобы не нарушить ея душевнаго покоя и не заставить ее думать о ея происхожденіи. Пусть она останется въ невѣдѣніи и считаетъ себя моей племянницей. Десять лѣтъ тому назадъ въ суровую зимнюю пору я какъ-то пѣшкомъ переходилъ черезъ Альпійскія горы. Это было безумной отвагой, но я тогда былъ молодъ и все казалось мнѣ простымъ и легкимъ дѣломъ. Я вышелъ изъ Люцерна и одинъ, безъ проводниковъ, пустился въ горы. Когда я взобрался на самую ихъ вершину, когда Сень-Бернарскій монастырь былъ уже недалеко отъ меня, передо мною вдругъ свалилась снѣжная лавина и загородила мнѣ путь. Тогда я рѣшился на смѣлый поступокъ. Я разрѣзалъ свой ранецъ на двѣ части, привязалъ ихъ къ своимъ ногамъ и пошелъ на нихъ прямо по снѣгу, какъ на лыжахъ. Какъ вдругъ что-то твердое оказалось у меня подъ ногами въ снѣгу. Я нагнулся, разгрѣбъ снѣгъ и къ

удивленію своему увидаль въ немъ ребенка. Онъ былъ еще живъ и, представьте, смѣялся, когда я стряхивалъ съ него снѣгъ. Откуда онъ могъ взяться? Какъ онъ могъ попасть сюда? Ясно было, что какая-нибудь женщина несла его на рукахъ и попала подъ сорвавшуюся лавину. Я долго искалъ ее, долго кричалъ ей, но всѣ попытки мои оказались тщетными. Благодаря массѣ снѣга я не могъ добраться до монастыря и долженъ былъ вернуться обратно въ Люцернъ. Съ тѣхъ поръ я не разставался съ этой дѣвочкой ни разу. Я назвалъ ее Маргаритой и воспиталъ ее такъ, что она искренно считаетъ меня своимъ дядей.

Генри Тернеръ нахмурился и сталъ тереть себѣ лобъ, точно старался что-то припомнить.

— Что съ вами? спросилъ его Ваграмъ.—У васъ болитъ голова?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Генри Тернеръ.—Я очень недавно слышалъ или читалъ точь-въ-точь такую-же исторію. Тамъ тоже сорвалась снѣжная лавина и засыпала дѣвочку снѣгомъ... Гдѣ это я читалъ? Или, быть можетъ, мнѣ рассказывалъ о ней кто-нибудь? Но кто же?.. Батюшки, какъ я сталъ часто забывать. Что это со мной?

— Это бываетъ, Генри... продолжалъ Ваграмъ.—Часто забываешь, надѣлъ-ли на себя очки, и находишь ихъ только тогда, когда снимаешь ихъ съ носа и начинаешь ихъ протирать...

Генри Тернеръ продолжалъ тереть себѣ лобъ.

— Гдѣ-же это я читалъ?.. говорилъ онъ.—Снѣжная лавина, горы, дѣвочка, сень-бернарскія собаки... Нѣтъ, я, кажется, серьезно захворалъ...

— Полноте, Генри, обратился къ нему Ваграмъ и весело хлопнулъ его по плечу.—Давайте-ка лучше прочтемъ это письмо изъ Швейцаріи! Оно уже давно дожидается, когда вы его распечатаете!

Генри Тернеръ взялъ съ камина письмо и медленно разорвалъ конвертъ.

— Отъ кого это? спросилъ Ваграмъ.

— Изъ Швейцаріи, изъ Невшателя, отъ Дюфренъ, отвѣтилъ Тернеръ.

— Что-то знакомое... А кто этотъ Дюфренъ?

— Это богатый винодѣль, отъ котораго мы выписываемъ вино.

— Что-же онъ пишетъ?

— А вотъ читайте! сказалъ Генри Тернеръ и протянулъ къ Ваграму письмо. Ваграмъ подошелъ къ окну, чтобы было лучше видно, и прочелъ слѣдующее:—

«Милостивый Государь.

«За посланное Вамъ въ прошломъ мѣсяцѣ вино Вы должны мнѣ 5000 франковъ. Потрудитесь уплатить эти деньги господину Крюгеру, который живетъ у Васъ въ Лондонѣ и котораго я попросилъ получить ихъ съ

Васъ и переслать ихъ мнѣ сюда въ Швейцарію въ Невшатель. Крюгеръ-же доставитъ Вамъ вино и на будущій мѣсяцъ, за которое потрудитесь заплатить деньги тоже ему.

Съ почтеніемъ

Дюфренъ».

— Вотъ странное письмо! воскликнулъ Джоржъ Ваграмъ.—Почему-же это Дюфренъ такъ желаетъ, чтобы мы уплатили деньги какому-то Крюгеру, а не переслали ихъ въ Швейцарію по почтѣ сами?

— Да, это странно, отвѣтилъ и Генри Тернеръ.

— А знаете, что? воскликнулъ Ваграмъ.—Дѣйствительно-ли это подпись самого Дюфренъ? Не поддѣлана-ли она? А то, какъ уплатимъ 5000 франковъ какому-то жулику Крюгеру, тогда ищи вѣтра въ полѣ!

Генри Тернеръ поднесъ письмо къ глазамъ.

— Нѣтъ, это настоящая подпись Дюфренъ... сказалъ онъ.—А если она и поддѣлана, то очень ловко. Но почему-же непременно намъ подозрѣвать этого Крюгера въ плутовствѣ? Развѣ не можетъ быть у него какихъ-нибудь денежныхъ отношеній съ Дюфренъ?

— Такъ-то оно такъ... продолжалъ Ваграмъ—да что-то плохо вѣрится. Въ наше время вѣдь ни на кого нельзя положиться... Я зналъ въ Швейцаріи одного Крюгера и если это онъ, то не могу васъ поздравить... Это дѣйствительно отъявленнѣйшій

негодяй. А не пишетъ-ли Дюфренье, гдѣ живетъ этотъ самый Крюгеръ?

Генри Тернеръ заглянулъ въ письмо.

— Въ улидѣ Сохо, сказалъ онъ, — домъ № 913.

Джоржъ Ваграмъ нахмурился.

— Знаете, что? сказалъ онъ. — Я схожу сейчасъ къ этому Крюгеру и познакомлюсь съ нимъ самъ... Это будетъ вѣрнѣе. И если это дѣйствительно тотъ...

— Вотъ и отлично! перебилъ его Тернеръ.

— А вы посмотрите здѣсь за моей племянницей Маргаритой

И, взявшись за шляпу и пожавъ Тернеру руку, Джоржъ Ваграмъ вышелъ изъ комнаты и отправился къ Крюгеру.

Улица Сохо была сплошь заселена швейцарцами, которые приѣхали сюда изъ Швейцаріи, чтобы продавать здѣсь свои вина и часы. На всѣхъ домахъ были вывѣски часовыхъ дѣлъ мастеровъ и часовыхъ магазиновъ и ренсковыхъ погребовъ. На двери одного большого дома была прибита мѣдная дощечка, на которой было вырѣзано: «Крюгеръ». Джоржъ Ваграмъ позвонилъ, ему отворила какая-то полная женщина и пропустила его впередъ, въ комнаты. Войдя въ залъ, устланное небольшимъ коврикомъ и обставленное простенькою мебелью, Ваграмъ увидѣлъ черноволосаго, еще не стараго человѣка, такого смуглаго, что сквозь толстую его кожу никогда не могла-бы проглянуть никакая

краска. Въ моменты, когда другой человѣкъ покраснѣлъ-бы отъ волненія или со стыда, этотъ господинъ только слегка, чуть замѣтно подергивалъ щекою. Онъ былъ высокъ, плечистъ, статенъ и красивъ, но главная его особенность заключалась въ томъ, что иногда на глава его набѣгала какая-то тѣнь, совершенно мѣшавшая видѣть ихъ выраженіе. Увидавъ Ваграма онъ вскочилъ и протянулъ ему обѣ руки.

— Какъ я радъ! воскликнулъ онъ. — Какъ поживаете? Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Вѣдь мы не видались съ вами еще съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вы когда-то были въ Швейцаріи! Здоровы-ли вы? Счастливы-ли?

Джоржъ Ваграмъ отвѣтилъ ему на рукопожатіе и не зналъ, на какой изъ этихъ вопросовъ прежде отвѣчать. Ему было непріятно, что это былъ именно тотъ самый Крюгеръ, котораго онъ когда-то знавалъ въ Швейцаріи.

— Вотъ видите! продолжалъ Крюгеръ. — Я говорилъ вамъ тогда въ Швейцаріи, что міръ очень малъ. Такъ малъ, что некуда уйти отъ людей, съ которыми не хочешь встрѣтиться. Но съ вами, г. Ваграмъ, я встрѣтись очень радъ.

И онъ съ заискивающей улыбкой коснулся его локтей.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ Ваграмъ, — и, чтобы не откладывать въ долгій ящикъ, продолжалъ: — Мой компаньонъ Генри Тернеръ получилъ сегодня изъ Швейцаріи письмо...

— Знаю, знаю! перебилъ его Крюгеръ и снова коснулся его локтей.— Ну, что это вы, дорогой Ваграмъ, вдругъ снизошли до торговли виномъ? Вы происходите изъ такой благородной, высоко-поставленной семьи и вдругъ — торговля!

— Полноте, г. Крюгеръ, отвѣтилъ ему Ваграмъ.— Всякій честный трудъ благороденъ. Давайте лучше поговоримъ о дѣлѣ!

— Давайте, давайте! спохватился и Крюгеръ.

И они долго послѣ этого говорили о дѣлѣ. Крюгеръ представилъ доказательства того, что онъ дѣйствительно состоитъ на службѣ у Дюф-

ренье, и Джоржъ Ваграмъ уплатилъ ему всѣ 5000 франковъ.

Было рѣшено, что съ этого времени вино отъ Дюфренье будетъ передавать Генри Тернеру не самъ Дюфренье, а его прикащикъ Крюгеръ.

«Не нравится мнѣ это», подумалъ Ваграмъ.— «Не вѣрю я этому негодяю».

Но дѣлать было нечего, Ваграмъ простился съ Крюгеромъ и вышелъ на улицу. Шелъ дождь и фонари еле мерцали за его почти непроницаемой частой сѣткой. Было холодно и сыро и вѣтеръ такъ и сбивалъ прохожихъ съ ногъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕДЪ СНОМЪ.

Передъ образомъ стояла
Ты, склонивъ главу на грудь,
И молитву лепетала
Собираяся заснуть.

А лампада освѣщала
Тихимъ, трепетнымъ огнемъ
Столъ, кровать, покрывало,
Канарейку подъ окномъ.

Ты окончила молиться
И идешь ужъ на покой...
Спать давно пора ложиться,
Спи, малютка, Богъ съ тобой!

Н. Гавловскій.

УТЕНОКЪ.

Яша остановился у окна колбасной и большими, жадными глазами сталъ глядѣть на разныя вкусныя вещи, которыя лежали за стекломъ.

— Ахъ, какъ хочется ѣсть! Хотъ бы попробовать, ну, хотъ бы лизнуть что нибудь!

Вдругъ, кто-то грубо толкнулъ его въ бокъ.

Передъ мальчикомъ стоялъ толстый, сытый человекъ съ краснымъ лицомъ и весело подмигнулъ ему.

— Что, братъ,—сказалъ онъ,—вкусно? Близокъ локоть да не укусишь? И, подмигнувъ еще разъ и покачнувшись, онъ ухватилъ Яшу за плечо.

Мальчикъ испугался, понялъ, что это пьяный, вырвался отъ него и пустился бѣжать.

Натыкаясь на тумбы и задѣвая прохожихъ, онъ пробѣгалъ одну улицу за другой.

Въ головѣ у него шумѣло, въ ушахъ стоялъ какой-то противный настойчивый звонъ; онъ напрягалъ послѣднія силы.

Улица кончалась.

Здѣсь протекала небольшая рѣчка. Яша быстро перебѣжалъ черезъ мостикъ, свернулъ въ сторону и спрятался за бревна, которыя были навалены тутъ на берегу, совсѣмъ недалеко отъ воды.

Это мѣсто уже два дня служило Яшѣ пріютомъ; тутъ же онъ и ночевалъ.

Теперь онъ былъ въ безопасности, но еще долго не могъ успокоиться,—сердце громко стучало—тукъ, тукъ, тукъ! Почему-бы это? Должно быть отъ голода...

Боязливо оглянувшись, онъ разстегнулъ воротъ старенькой, полинявшей рубахи и осторожно потянулъ за шнурокъ, надѣтый на шеѣ; къ шнурку былъ привязанъ маленькій мѣшочекъ, въ которомъ лежалъ какой-то предметъ.

Мальчикъ нѣжно поцѣловалъ мѣшочекъ, потомъ развязалъ его; изъ мѣшочка выглянуло небольшое мраморное яичко блѣдно-зеленаго цвѣта; на яичкѣ стоялъ крошечный металлическій утенокъ; онъ разставилъ свои красныя ноги и широко раскрылъ клювъ.

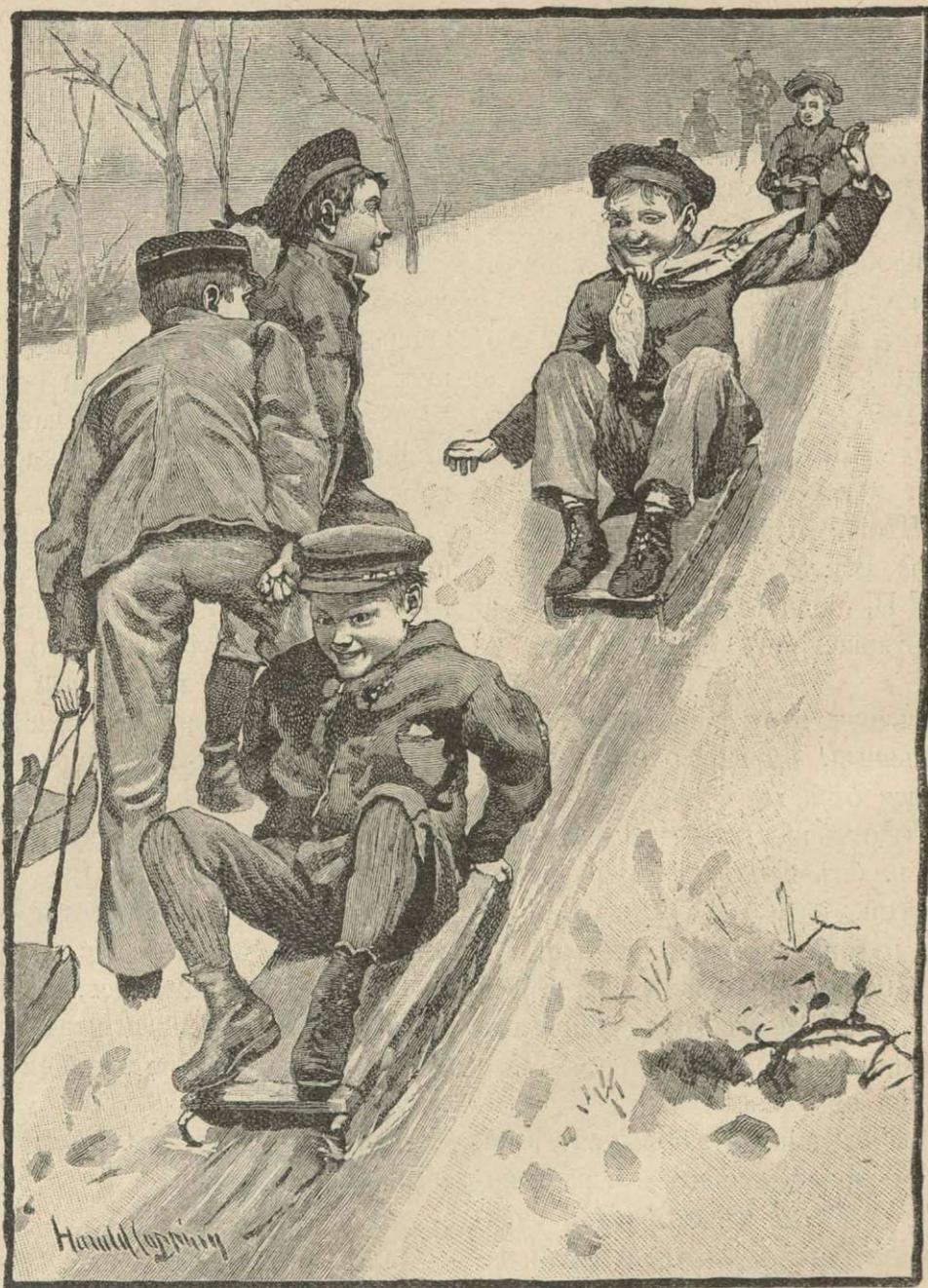
Яша поцѣловалъ утенка, и сталъ горько плакать.

— Что, утя?—шепталъ онъ.—Что, глупый? Не даютъ намъ съ тобой поѣсть?—И ему казалось, что этотъ раскрашенный утенокъ и въ самомъ дѣлѣ жаловался ему, что и ему тоже хотѣлось ѣсть.

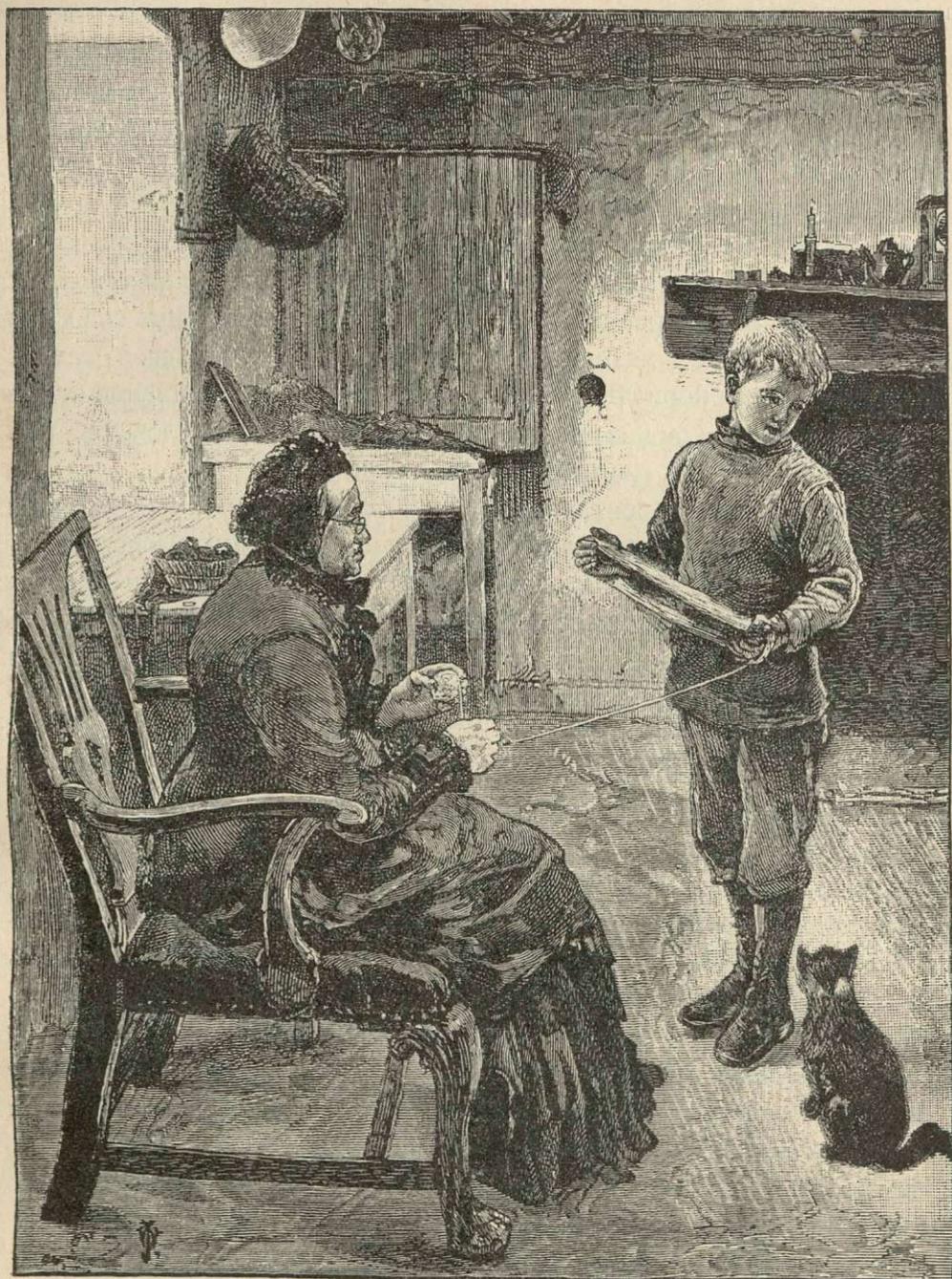
Этотъ утенокъ былъ единственнымъ другомъ Яши.

Годъ тому назадъ Яша жилъ съ матерью въ родной деревнѣ.

Лѣтомъ, вмѣстѣ съ другими деревенскими ребятами, онъ бѣгалъ въ лѣсъ, собиралъ ягоды, грибы, орѣхи.

Катанье съ горы.

Скучное дѣло.

Вотъ было веселье! Дѣти пѣли пѣсни, аюкались; или шли въ полдень къ рѣчкѣ купаться, ловили раковъ, собирали камешки. Зимой дѣлали гору, катались на санкахъ, играли въ снѣжки.

Отца Яша лишился, когда былъ еще очень маленькимъ; а мать онъ очень любилъ и старался ей помогать.

— Хорошій у тебя паренекъ!—говорили сосѣди Яшиной матери—погоди вырастетъ, тебя кормить будетъ!

И Яшина мать гордилась сынишкой и потихоньку отъ всѣхъ гладила его по головѣ и старалась его приласкать.

На краю деревни, въ большомъ, красивомъ саду стояла господская усадьба; туда мать Яши часто носила на продажу полотно, плетеные кружева, а иногда и грибы, ягоды.

Здѣсь у Яши была маленькая пріятельница—господская дочка Люля.

У Люли не было ни братьевъ, ни сестеръ, она росла одиноко и когда однажды мать привела туда и Яшу, то онъ остался тамъ, сталъ играть съ Люлей и скоро они сдружились. Съ этихъ поръ Яша каждый день сталъ бѣгать въ усадьбу, чтобы повидать свою маленькую пріятельницу.

Въ ясные лѣтніе дни дѣти играли въ тѣнистомъ саду; Люля надѣвала себѣ на голову вѣнокъ, изображала принцессу, Яша былъ ея рыцаремъ. Двѣ лохматые собаченки—Милка и Жучка были разбойниками. Онъ съ лаемъ кидались изъ-за кустовъ на дѣтей, и рыцарь спѣшилъ спасти свою принцессу.

Въ длинные осенніе и зимніе вечера, когда на дворѣ такъ непривѣтливо, дѣти садились на низкую скамеечку передъ каминомъ, смотрѣли на веселый огонекъ и слушали сказку старой Люлиной няни.

За окошкомъ темнѣло, а въ комнатѣ было свѣтло, уютно и чуть-чуть страшновато отъ няниной сказки.

А когда, не кончивъ сказку, няня засыпала, и роняла свой чулокъ, то дѣти начинали тормошить старушку.

— Няня, опять ловишь рыбу?—кричали они.

— Ладно, ладно!—улыбалась няня, отбиваясь отъ нихъ, управляла свой чепчикъ, и сказка продолжалась.

Затѣмъ Яша сталъ бѣгать въ школу, а Люля начала заниматься со своей мамой.

Приходя изъ школы, мальчикъ рассказывалъ Люлѣ о своихъ товарищахъ, объ учительницѣ, о томъ, что рассказывали въ школѣ... Люля слушала, устремивъ на него глаза.

Затѣмъ для Яши случилось несчастье: Люлю повезли въ большой городъ въ институтъ.

Когда Яша пришелъ проститься съ нею, то она опустила глаза и подарила ему на память зеленое яичко, на которомъ стоялъ утенокъ, и Яша заплакалъ.

— Не плачь, Яша,—сказала она.— Я пріѣду лѣтомъ! А ты береги этого утенка, смотри—не потеряй его! Если тебя кто-нибудь обидитъ, то ты скажи утеночку,—онъ все и пойметъ! Вотъ увидишь.

Утенокъ былъ любимой Люлиной игрушкой.

Дѣвочка уѣхала и для Яши наступили сѣрые, тоскливые дни. Скорѣй-бы лѣто!..

Но настало лѣто и вмѣсто Люлиной семьи въ усадьбу пріѣхали какіе-то чужіе люди и завели въ ней новые порядки. Оказалось, что отецъ Люли умеръ и усадьбу продали какимъ-то нѣмцамъ. Такъ Люля больше и не пріѣзжала.

Яша сильно грустилъ и маленькій раскрашенный утенокъ былъ свидѣтелемъ его самыхъ горькихъ, искреннихъ слезъ.

Яша хорошо помнилъ свою маленькую подругу съ ясными, голубыми глазками и ему казалось, что онъ когда-нибудь ее встрѣтитъ, и что все опять будетъ хорошо и покойно!

Затѣмъ умерла его мать, и Яша очутился въ большомъ городѣ, гдѣ сталъ пріискивать себѣ занятіе.

Жутко было мальчику у чужихъ людей.

Громадные дома, множество лавокъ, ассы народу на улицахъ, всѣ куда-то идутъ, спѣшатъ... Извозчики снуютъ взадъ и впередъ, шумъ, стукъ...

— А куда это, дяденька, народъ идетъ? — спросилъ однажды Яша перваго встрѣчнаго мастерового.

— А поди за ними и узнаешь, — отвѣтилъ тотъ; потомъ засмѣлся и, презрительно оглядѣвъ Яшу, прибавилъ:

— Деревеньщина!

Съ тѣхъ поръ робкій и мягкій по природѣ Яша боялся обращаться къ прохожимъ.

— «Почему это здѣсь народъ такой сердитый», — думалъ онъ. — «Не такъ, какъ у насъ въ деревнѣ»...

И ему все чаще и чаще вспоминалась его деревня.

— Тамъ лучше! — рѣшилъ онъ.

Долго блуждалъ Яша по городу, заходилъ въ сапожныя мастерскія, умоляя принять его ученикомъ. Но вездѣ работы было мало и ученики не требовались.

— Вотъ осенью приходи, говорили ему, — тогда, можетъ быть, и возьмемъ!

Отчаяніе начало проникать въ душу мальчика: одинъ, въ чужомъ, страшномъ городѣ; и скоро настанетъ день, когда не на что будетъ купить хлѣба.

И день этотъ насталь.

Сегодня Яша еще ничего не ѣлъ.

Спина у него ныла, онъ чувствовалъ какую-то слабость, голова кружилась.

А утенокъ, поднявъ кверху голову, казалось, утѣшалъ его.

— Ну, что мы съ тобой теперь дѣлать будемъ? — спрашивалъ мальчикъ своего друга, — воровать? Нѣтъ, нѣтъ, а то насъ Люля не похвалитъ!.. И продать нечего! Плохо намъ, утя! —

И Яша ни разу даже и не подумалъ, что можно было продать этого утенка; да если-бы кто-нибудь и по-

совѣтоваль ему это, то онъ возмущился-бы и сказалъ: — развѣ друзей продаютъ?

Съ рѣчки потянулъ вѣтерокъ, и Яша почему-то вспомнилъ свою родную деревню, мать, Люлю...

Ему стало грустно.

Просидѣвъ неподвижно нѣсколько минутъ, онъ потрянулъ головой и выльзъ изъ своей засады.

— Пойду, попрошу, Христа ради, хлѣба,—сказаль онъ себѣ,—ѣсть хочется! Денегъ просить грѣхъ, а хлѣба... Можетъ быть, кто-нибудь и дастъ!

Перебѣжавъ черезъ мостикъ, Яша направился въ людную улицу: тамъ народу много, значить, скорѣе подадутъ.

— Дяденька, дай, Христа ради, кусочекъ,—поѣсть хочу! сказаль робко Яша, останавливаясь у лотка съ хлѣбомъ.

Въ первый разъ просилъ мальчикъ; ему было очень тяжело и стыдно.

Краснощекій, сытый торговецъ искоса посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Пошелъ, пошелъ! Много васъ тутъ голодныхъ-то!.. Еще стянешь что-нибудь!..

Яша вспыхнулъ.

— Я никогда не вороваль, сказаль онъ съ дрожью въ голосѣ,—грѣхъ тебѣ такъ говорить!

— Поговори ты у меня! сказаль торговецъ, погрозивъ ему кулакомъ,—бродяга!..

Изъ воротъ вышелъ мастеровой.

— Что это ты, Семенычъ?—спросилъ онъ торговца.

— Да вотъ щенокъ этотъ норovitъ, какъ-бы стянуть!

Яша хотѣлъ было уйти, но эти слова его остановили.

— Не смѣй такъ говорить! закричалъ онъ,—я у тебя Христа ради просилъ, а не вороваль!

— А вотъ мы его маленечко поучимъ! сказаль мастеровой.

И подойдя къ Яшѣ, онъ схватилъ его за волосы и отодралъ.

Яша закрылъ лицо руками и заплакалъ.

Мало-по-малу около мальчика собралась толпа народу. Торговецъ и мастеровой со смѣхомъ рассказывали ей, какъ они проучили воришку; слушатели качали головами и охали.

— Ишь ты, говорили они, такой маленькій, а ужъ воруетъ,—вотъ они дѣти-то нынче какія!..

А Яша сидѣлъ и плакалъ.

— Гляди-ка, что это у него въ рукѣ?—вдругъ воскликнулъ торговецъ.

Яша крѣпче зажалъ въ рукѣ утенка; слезы моментально высохли у него на щекахъ и глаза сверкнули. Нѣтъ! Онъ ни за что на свѣтѣ не отдастъ своего утенка!

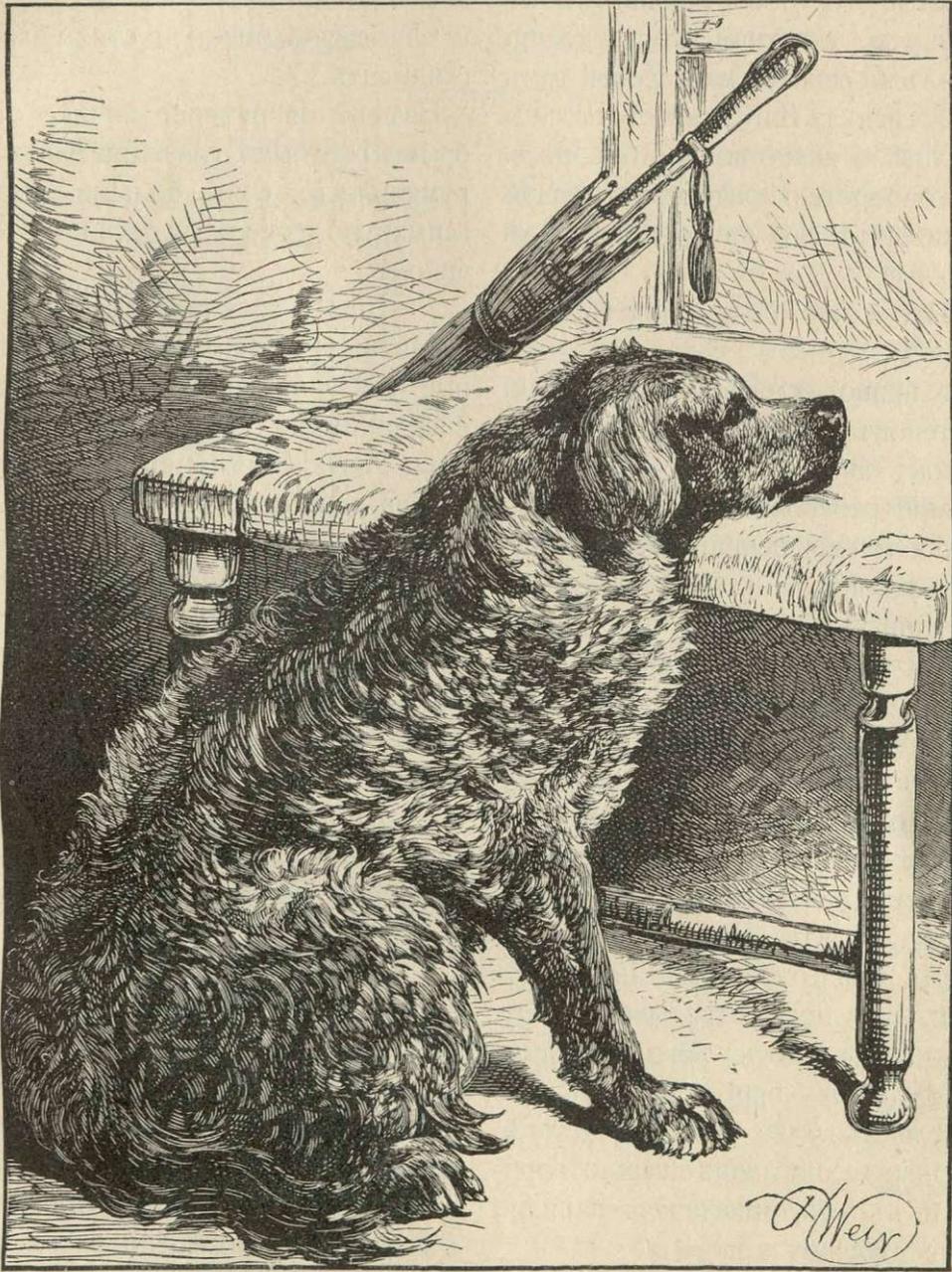
— Укралъ что-нибудь!—сказаль кто-то.

Къ Яшѣ подошелъ долговязый парень.

— Ну ка, покажи!

Мальчикъ не двинулся...

Кругомъ хохотали.

Въ ожиданіи хозяина.

— Дай ему раз!—посоветовали въ толпѣ.

Толстый торговецъ подошелъ къ мальчику и, схвативъ его за плечи, повалилъ на спину; а мастеровой такъ сильно стиснулъ Яшѣ руку, что пальцы разжались, а яичко выпало изъ нихъ.

При одобрительномъ смѣхѣ, торговецъ поднялъ это яичко и показалъ его толпѣ.

— Ну, стало быть, укралъ! сказала онъ.

Яша приподнялся съ земли; видя, что утенокъ переходитъ изъ рукъ въ руки, онъ заплакалъ тихо-тихо, какъ маленькій ребенокъ.

Какая-то сморщенная старушка начала головой.

— Ишь ты, сказала она.—Дѣти-то, дѣти какія нынче стали!..

Все это случилось у подъѣзда большого дома, въ которомъ было много богатыхъ квартиръ и въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщались роскошные магазины. Яша въ горѣ присѣлъ на ступеньку его крыльца и не зналъ, что ему дѣлать. Чувство обиды и слабость отъ голода были настолько велики, что ноги отказывались его нести и въ глазахъ у него стало темнѣть. Къ этому присоединилась еще мучительная боль подъ ложечкой. Какъ вдругъ парадная дверь отворилась и въ ней показалась нарядно одѣтая дѣвочка.

— Что случилось? спросила она, увидя толпу и плачущаго Яшу.

— Да вотъ вора поймали!—отвѣтилъ торговецъ.

— Вотъ, стянулъ гдѣ-то!—сказалъ старый мужикъ, протягивая дѣвочкѣ утенка.

Она взяла яичко и стала его разглядывать.

Затѣмъ ея румяное личико съ добрыми голубыми глазками вдругъ зарумянилось, еще больше потомъ вспыхнуло и она нагнулась надъ мальчикомъ.

— Яша!—воскликнула она.

Мальчикъ поднялъ на нее удивленные глаза и внѣ себя отъ радости воскликнулъ:

— Люля! Барышня!..

Она схватила его за руку, подняла его со ступеньки и стала ласково вытирать ему слезы на щекахъ.

Яша не вѣрилъ своимъ глазамъ; ему казалось, что онъ спитъ и видитъ чудный сонъ и онъ боялся, какъ-бы не проснуться и не нарушить это очарованіе.

— Пойдемъ, сказала она.—Пойдемъ. Какъ мама обрадуется! Вотъ увидишь!

И она потащила мальчика за руку.

Удивленная толпа разступилась и не знала, что подумать...

А когда тяжелая дверь захлопнулась за дѣтьми, она стала расходиться. Что-то забытое, но родное проснулось у каждаго въ душѣ... Точно всѣ они вспомнили и свое дѣтство, тоже голодное и нерадостное, какъ и у этого Яши.

И всѣмъ стало стыдно...

Каждый пошелъ своей дорогой, облегченно вздыхалъ и думалъ:

«Ну, слава Богу, что такъ устроилось! Жалко мальченку!»

А маленькій раскрашенный утенокъ, котораго выронила изъ рукъ

Люля, валялся на тротуарѣ. Кто-то наступилъ на него и помялъ ему голову.

Но утенокъ не жаловался,—онъ сдѣлалъ свое дѣло.

А. И. Н.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1) Почему покупають зонтики?

(Предложилъ Юрій Коптѣ).

2) Какъ написать цифру 100 посредствомъ четырехъ девятокъ?

(Предложилъ Душистый Горошекъ).

3) Подъ какимъ деревомъ во время дождя прячется заяцъ.

(Предложила Бялая Лилія).

ГОЛОВОЛОМКА № 1.

Въ названіи города, лежащаго на Волгѣ, находятся: 1) часть тѣла животного и 2) названіе напитка.

Буквы 1, 2, 5 и двѣ послѣднихъ этого названія составляютъ часть корабля.

Какой это городъ?

(Предложила Лиза Калитина).

ГОЛОВОЛОМКА № 2.

«... Однажды мы были въ зоологическомъ саду. Тамъ, на большомъ пруду плавалъ красивый лебедь и кругомъ стояли на бережку другія птицы. Вблизи, въ акваріумѣ, ползаль ракъ и топоришилъ свои усы; тутъ же около него извивались ёршъ да щука. Съ нами была наша маленькая сестренка, которую мы должны были везти съ собою на колясочкѣ, и она всему этому удивлялась. Осо-

бенно было интересно, когда къ слону подвезли цѣлый возъ соломы и онъ быстро расправился съ этой поклажей и съѣлъ ее всю. Затѣмъ наша сестренка заснула, мы взяли за руки, придѣлали къ колясочкѣ дышло и вмѣстѣ всѣ въ него впряглись и отправились домой».

Подчеркнуть въ этомъ отрывкѣ изъ письма нѣкоторыя слова, изъ которыхъ должны составиться первыя строки извѣстной басни Крылова.

(Предложилъ Тушканчикъ).

ШАРАДА-ЗАГАДКА.

Мое первое—слѣдующая загадка: «Маленькій, горбатенькій все поле обскакалъ, домой прибѣжалъ, всю зиму пролежалъ».

Мое второе—тоже загадка: «Небольшая улитка слушать больно прытка; заяцъ вертитъ ею, а человѣкъ съ мѣста сдвинуть не можетъ».

Мое третье—въ концѣ вѣковъ.

Все вмѣстѣ—городъ въ центральной Россіи. Какъ меня зовутъ?

(Предложилъ Спѣжокъ).

Рѣшеніе арифмографа № 1. Математика, томатъ, графитъ, татаринъ, ароматъ, гитара, фракъ, факиръ, ма-кака, магнитъ. Задуманное слово—кинематографъ.

Рѣшеніе задачи: № 1. Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру.

Рѣшеніе задачи: № 2. Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ, а муха у него сидѣла на рогахъ.

Рѣшеніе головоломки: № 1. Муха—уха, слива—ива, смородина—родина, огородъ—городъ, серебро—ребро, Могилевъ—левъ, осина—оси, поводъ—оволь, соборъ—боръ, су—дакъ—уда.

Рѣшеніе головоломки № 2. Ева, Сто, Тополь, Апостоль, Постель, Сталь, Оспа; Севастополь.

Рѣшеніе загадки. По дорогамъ.

Рѣшеніе ребуса № 1. Око + ло + ре + киска + мыш + а + ми + со + бра + лось въ с + ѣ + стадо = Около рѣки съ камышами собралось все стадо.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Мишенька Оболенскій, Лида Гаврилова изъ Кронштадта, Люд-

мила Сѣдлецкая изъ Холма, Леля Чухурянь изъ м. Единцы въ Бессарабіи, Жанна Менше изъ Нижне-Днѣпровска, Андриуша Федотовъ—донской казачокъ, Евва Бабаджанъ изъ Θεοδοσίи, Оля Карева изъ Полтавы, Lydie Smirnofï изъ Парижа (Франція), Коля Титовъ изъ Кронштадта, Николай Мышенковъ изъ Захарьевки Херс. губ., Л. Янковскій изъ Нижне-Днѣпровска, Eugénie Berg изъ Fitznau близъ Люцерна (Швейцарія), Валя Покровская, Dina und Rosa Okun изъ Гамбурга (Германія), Ирочка Скшинская въ СПБ., Ната Дитяткина изъ Старой Русы, Володя и Тася Теремецкіе изъ Гатчины, Рузя Спасовская въ СПБ., Юрій Қопшъ въ СПБ., Шура Бѣлявскій въ Москвѣ, Костя, Вѣрочка, Валя и Ната—въ вагонѣ близъ Вильны на пути заграничу.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Андриушъ Федотову, домашнему козачку: Журналъ, о которомъ Вы спрашиваете, выходитъ; о немъ появляются публикаціи. Обратитесь непосредственно въ его редакцію. Выкройки нами будутъ даны, игры—тоже. Редакторъ «Золотого Дѣтства»—родной братъ того писателя, собраніе сочиненій котораго Вы имѣете.

Катя Шенбергъ въ СПБ. Какъ сдѣлать сливочное мороженое, было описано въ нашемъ журналѣ за прошлый годъ № 12. Въ романѣ «Чужое Имя» дѣйствіе будетъ перенесено въ Швейцарію, тамъ тоже, какъ и въ «Барри», примутъ участіе Сень-бернарскія собаки, онѣ будутъ спасать героевъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ явится дѣвочка Маргарита.

ВНИМАНІЮ г.г. ПОДПИСЧИКОВЪ.

На ёлку и къ празднику Рождества Христова принято дарить дѣтямъ книги. Въ глухой провинціи и даже въ большихъ городахъ иногда бываетъ совершенно невозможно достать книги для подарковъ. Поэтому редакція «Золотого Дѣтства» предлагаетъ г.г. иногороднимъ подписчикамъ свои услуги по высылкѣ имъ *всевозможныхъ*

дѣтскихъ книгъ какъ безъ переплетовъ, такъ и въ *роскошныхъ* переплетахъ, *по цѣнамъ столичныхъ книжныхъ магазиновъ*. Плата за пересылку—по разстоянію.

Книги могутъ быть высланы *наложеннымъ платежомъ*.

Редакція.

ГОДЪ ИЗДАНИЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ **3 р. 80 к.**,
на полгода — **2 рубля.**

Подписка принимается: въ **Конторѣ** журнала „Золотое Дѣтство“, **С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3**, и въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій) и Н. П. Карбасникова (Гостиный Дворъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

За перемѣну адреса — 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.